

Архив крепости св. Елисаветы.

В 1876 году елисаветградская городская дума сделала постановление: передать киевскому университету дела запорожского архива, хранящиеся в архиве думы.

Пересланные в Киев документы оказались, однако, не запорожским архивом, а остатками архива крепости св. Елисаветы (нынешнего Елисаветграда).

В 1886 году я получил возможность ознакомиться с этим архивом¹ и ныне позволяю себе остановить на нем внимание Одесского Общества Истории и Древностей.

Архив помещается в университетской библиотеке и включает 24 папки и в них 433 связки дел. Дела эти обнимают время с 1753 по 1821 год, при чем собственно крепостной архив ограничивается годами 1753 — 1784 и занимает 15 папок и в них 286 связок; остальные же 9 папок (147 связок) составляют посторонний придаток, так как в период 1784 — 1821 г. крепость была уже заштатною, и дела этих годов представляют архив конно-егерского корпуса, расквартированного в здешних местах. Таким образом, для истории края имеет некоторое значение только первая часть архива. В ней находим дела канцелярий комендантской, гарнизонной, провинциальной и канцелярии слободского козацкого полка.

К сожалению, дела архива оказываются не полными и по этой причине почти ни одного дела нельзя проследить от начала до конца. Не говорим уже о том, что многие листы попрели и разрушились, особенно по краям. Немногие тетради остаются сшитыми и надписанными непосредственно вслед за окончанием дел; остальные расшиты и разрознены, а все вообще подобраны, надписаны и занумерованы позднее, — судя по почерку — не ранее 40-х или 30-х годов текущего столетия, рукою не опытною, — всего вероятнее — рукою городского архивариуса тех годов. При этой операции, в ближайшем соседстве и под одну надпись, случайно бросившуюся в глаза, попали дела самые разнокалиберные. Исключение составляет одно дело (1754—55г.) о сношениях с татарами, видно, давно уже внимательно подобранное и переплетенное.

Ниже, в приложении, передаем дословно несколько документов архива, представляющих наиболее интереса для истории новороссийского края. Теперь же считаем нужным представить общее обозрение содержания архива.

Большинство (28 номеров) печатаемых ниже материалов имеет отношение к истории колонизации херсонских степей. Дела эти распадаются на две серии: к первой принадлежат дела, обрисовывающие порубежные отношения русских колонистов к полякам и к запорожцам, — другая серия характеризует взаимные отношения колонистов разных категорий, преимущественно — новосербцев и слобожан. Сверх того, в них находим некоторые частные указания, а именно о времени и обстоятельствах основания нескольких поселений нынешней Новороссии, как то: Домоткани, Орла (нынешнего Ольвиополя), Тишковки и Плетеного Ташлыка (№№ 1, 4, 5 и 6); об условиях найма сенокоса и пашни (№ № 9, 13 и 14); об отношении местных жителей к гайдамачеству (№№ 6 и 11). Затем, одно дело (№ 17) касается поземельных отношений лиц начальствующих и простых хуторян; одно дело (№ 17) знакомит с частными отношениями, на официальной, однако, подкладке, между комендантом крепости св. Елисаветы и подчиненными ему сотниками слободского казачьего полка. № 26 — допрос пяти гайдамак, причастных калиивщине, — хотя и не включает важных подробностей о названном событии, так как допрошенные лица были прикосновенны к нему мало и не долго, — мы не считали себя в праве опустить по той причине, что таких допросов доселе почти совсем не было опубликовано, и в крепостном архиве сохранилось всего одно только такое дело.

Переходим к делам, которых читатель не найдет в приложении к настоящим строкам. Есть в архиве часть дела о выборе депутатов в екатерининскую комиссию для составления уложения. По своей неполноте, она имеет ограниченный интерес. В ней уцелели следующие документы: 1) рапорт предводителя избирательного собрания офицеров чорного гусарского полка секунд майора Степана Пищевича коменданта Н. И. Глебову 22 марта 1767 года: 22 марта, по отправлении богослужения, избиратели

собрались в назначенном для того помещении, в шанце Новомиргородском, и большинством шаров избрали депутатом секунд майора Григория Булацеля; предводитель обещает поспешить доставлением «пунктов», т. е. депутатского наказа, и определением срока для выезда депутата в Москву; 2) список избирателей — офицеров черного гусарского полка с указанием числа шаров, полученных каждым на выборах; 3) рапорт без подписи 19 мая 1767 г. о выборе депутатом от новомиргородского купечества Михаила Белезлия; 4) рапорт ротмистра Василия Сазонова 13 мая того же года о том, что избранный депутатом от поселян елисаветградской провинции Семен Мороз отправлен в Кременчуг для следования в Москву; 5) рапорт ротмистра Якова Дика 14 мая об отправлении туда же депутата от нижних чинов пикинерного полка пикинера Максима Моренца; 6) ордер полковнику Чорбо 10 мая о высылке в крепость депутата от нижних чинов черного и желтого гусарских полков эстапуающего вахмистра Ивана Анастасьева.

Укажу еще на следующие дела, остановившие мое внимание: 1) упомянутое выше дело о сношениях с татарами (1754—55 г.): оно включает переписку коменданта И. Глебова с буджакским сераскиром Девлет Гиреем султаном, шифрованные письма Обрезкова о дипломатических затруднениях, вызванных построением крепости св. Елисаветы, донесения разных лиц, между прочим, — купцов, посещавших Крым, о настроении татар, о слухах, почерпнутых там и пр.; 2) «дело о монахах медведовского монастыря, селящихся неподалеку от шанца Вершац» (1765г.): спор о нарушении границ поляками; 3) об отправлении правительственной комиссии для описания запорожских земель (1762 г.); 4) о мерах предосторожности от моровой язвы со стороны запорожских земель (1760); 5) прошение козака Ивана Письменного, живущего при крепости св. Елисаветы о возвращении из Сечи бежавшего туда сына его и с ним какого то Кости Игнатенка, за коего проситель поручился в уплате долга (1760 г.); 6) два допроса гайдамаки Данила Бандурки (1761г.); 7) известие из елисаветградской провинциальной в комендантскую канцелярию 27 июня 1772 г. О запрещении драть лыко на лапти; 8) тоже, — 17 октября 1773 г. о рождении в слободе Бешкинских Вершинах уroda и о погребении его, в противность указа императора Петра I 13 февраля 1718 г.²; 9) о мерах предосторожности против чумы, появившейся в Мурзинке и в. Никитином Перевозе (1773).

Укажем, наконец, на группы дел, находящихся в архиве в значительном числе, но представляющих менее научного интереса, чем предыдущие. В архиве сохранились: 1) рапорты сотников новокозачьего полка о наблюдении за действиями гайдамак: почти все они и почти всегда доносят, что все обстоит благополучно; некоторое оживление в этом деле замечается в 1758 году: в документах этого года упоминается комиссия по гайдамацким делам, слободская канцелярия в своих ордерах сотникам разных слобод объявляет запрещение покупать у гайдамак награбленные ими вещи и давать им пристанище, «дабы от соседних сторон на слободских обывателей жалоб не происходило»; 2) переписка об обывателях, отправляющихся в Польшу или проживающих в Новой Сербии без паспортов; 3) указы провиантской комиссии; 4) распоряжения по форпостной службе; 5) дела о побегах воинских чинов; 6) о розыске украденных лошадей; 7) журналы получаемым ордерам.

Этим заканчиваем общее обозрение архива. Посмотрим теперь поближе, какого рода данные заключаются в печатаемых ниже материалах по вопросам истории колонизации херсонских степей.

Известно, что австрийские сербы, вызванные на юг России при императрице Елисавете, нашли на землях, отведенных им правительством, малороссийских беглецов и раскольников, которые поселились здесь раньше. С водворением сербов, это прежнее население нынешних уездов александрийского и елисаветградского было передвинуто далее к югу, за черту Новой Сербии и послужило основанием для вновь учрежденного новокозачьего слободского полка, которое потом укомплектовывалось вновь прибывающими из за польского рубежа переселенцами.

Из наших документов видно, что инициатива нового поселения принималась на себя одним каким нибудь лицом, «осадчиком» — иногда из прежних жителей Новой Сербии (№ 6), иногда польским переселенцем (№ 5), иногда, наконец, — лицом военно-служащим, офицером (№ 4). Такой предприниматель или переселял, вместе с собою, прежних жителей Новой Сербии, или;вызывал крестьян из Польши (№№ 6 и 4). В некоторых случаях вызываемые переселенцы ставили ; определенные условия для перехода; так, осадчик слободы Орла ходатайствовал об отпуске им, в виде займа, хлеба из

казенных магазинов (№ 4). На первых порах, не сумев приспособиться к новым условиям жизни, новосельцы бегали обратно за польский рубеж; интересный пример тому находим на жителях сл. Новоархангельска, которые уходили обратно, потому что не нашли здесь древесного топлива (№ 20). Осадчики слобод обыкновенно назначались сотниками, что служило стимулом для дальнейшей предприимчивости на этом поприще (№№ 5 и 6). Кроме слобод, находим в слободском казачьем полку и хутора (№№ 17 и 20).

Конкурентами и соперниками в деле колонизации являлись для нас поляки: для них, столько-же, как и для нас оно было жизненным вопросом. С исчезновением козачества на правом берегу Днестра, почти вся нынешняя киевская губерния перешла к Польше в значительном запустении. Разыскав старые и исходатайствовав новые, документы на владения в степной уkraine, шляхтичи, для того чтобы извлекать пользу из новых местностей, прежде всего должны были озаботиться привлечением к себе крестьян из гуще населенных мест; с этой целью они давали переселенцам большие сроки для слобод, или льгот низводивших до ничтожного минимума повинности крестьян за землю. Сами паны не редко занимались «выкачиванием», т. е. переманиванием крестьян, отправляясь для этого в Волынь и Полесье, где население было гуще и повинности крестьян тяжел. В иных случаях, они поручали это дело подрядчикам, по тогдашнему выражению — «выкотцам», которые, подговорив крестьян, давали и средства к побегу, являясь для того в условленное место и в определенное время, т. е. ночью, со своими подводами. Владелец или эконом вооружали слуг и надворных козаков и пускались в погоню за беглецами; если нагоняли, то не щадили мер наказания, на что владелец имел законное право, сосредоточивая в себе власть судебную и полицейскую над крестьянами если-же беглецам удавалось избежать погони, то прежний владелец делал наезд на то имение, где они скрывались, причем иногда уводил и чужих людей. Не трудно понять, что меры строгости мало удерживали крестьян, так как сами же паны, переманивая чужих крестьян, развивали в этом классе вкус и поддерживали привычку к перекочевкам. А пока продолжалось это брожение, пока населения было еще мало, т. е. в течение всей первой половины прошлого столетия, владельцы, по необходимости, удерживали слободы, т. е. льготные условия. Так, еще в 60-х годах крестьяне некоторых южных староств киевщины не отбывали вовсе барщины, и повинности их не превышали стоимости 60 рабочих дней в год. Наичаще всего крестьянские побеги направлялись как раз в ближайшее соседство с русскими степями, именно в южные части киевского и брацлавского воеводств, которые населены были реже и заселены позднее других польских областей. В середине XVIII столетия большинство перешедших к полякам земель успело уже вообще достаточно заселиться, почти повсюду истекали сроки слобод, и владельцами делались попытки, в замен последних, ввести обязательные и более прибыльный для них повинности со стороны крестьян³). В это самое время присоединено части Дикого Поля к России открыло последним новый соблазн для переселения. Приобретенная нами по договору с турками 1740 года часть херсонских степей врезывалась клином между владениями Польши и Турции. Здесь, за рубежом, власть шляхты находила предел, а беглые получали возможность укрыться под охраной русского населения и правительства в молодом крае, сильно нуждавшемся в людях.

Заселение северных частей нынешней херсонской губернии возвращавшимися из Польши русскими крестьянами началось еще во время турецкой войны 1736 — 39 гг. и особенно усилилось после, договора 1740 года, формально закрепившего за нами Дикое Поле. Поселения эти подчинены были ведению миргородского полка, но сильно нуждались в военной охране для защиты от поляков, которые всеми мерами мешали русской колонизации⁴). С начала 50-х годов правительство берет на себя инициативу в деле заселения Новороссии: здесь поселяются гусарский и пандурский полки, основываются крепости и форпосты, а вместе с тем усиливается и наплыв беглых из Польши. Указами и манифестами правительство вызывало из Польши русских крестьян, прежде бежавших туда, селило их в новокозачьем слободском полку и на землях ново-сербских офицеров, позволяя этим последним и вербовать русских крестьян в Польше⁵).

Из соревнования по делу колонизации должны были произойти несогласия и не у довольствия между поляками и нами, несогласия, по сущности вещей, выходившие за пределы частных имущественных отношений между двумя соседними владельцами. Но и в этой борьбе с русской колонизацией, как мы

увидим, поляки пользовались средствами, обычными в их домашних соседских отношениях. В борьбе этой принимали участие не одни те паны, на землях которых крестьяне жили до побега: соперниками нашими являлись польские владельцы вообще, ближе к нам жившие, или только еще основывавшие слободы вблизи нашей границы. Едет к русскому рубежу переселенец с семьей и имуществом; но вот, не доезжая всего какой нибудь версты, встречается с неизвестным шляхтичем; тот сначала уговаривает селиться у него, на вновь заводимой слободе, а после отказа, отнимает волов (№ 22). В предупреждение побегов и в помеху переселению, владельцы в удобных местах ставили отряды надворных козаков (№ 23). В случае, если побег удался, они посылали на хутора и слободы, где находились бежавшие, вооруженные отряды своих крестьян и козаков ночью, с наряженными специально подводами, — где можно и нужно было — вязали людей, забирали вместе с семьями и имуществом, пугали стрельбой и исчезали с ними, но, повидимому, иногда увозили по уговору и согласию (№ 20). Случалось, что насильем увезенные поселяне возвращались обратно в русские владения, но бывали случаи, что их находили на пути убитыми (№ 21). Поляки делали заезды на русские поселения также и с целями разорения и грабежа. Соседи наши — шляхтичи (в одном случае — польский лесничий) с вооруженными отрядами, иногда достигавшими до 200 человек, вторгаются в русские пределы и нападают то на слобожан и гусар, занимающихся рубкой леса, то на именье гусарского офицера, то на уединенную пасеку в лесу врываются ночью в жилища, жгут русские поселения, стреляют и ловят мирных жителей, который иногда вступают с ними в схватку; отнимают их имущество, будь то рабочая кляча, топор дровосека, или офицерское седло и пистолету или даже, улы с медом и пчелами; укладывают награбленное добрее на заготовленные для того подводу и, под охраной своей численности, обыкновенно, благоподучно удаляются во свояси, если их, не потревожить иногда русская команда (№ №24, 27 и 31). Даже лица, довольно важные по хозяйственно-административному положению в соседних с нами польских владениях бывали не вполне разборчивы в деле благоприобретения; так, корсунский губернатор принимает, в подарок лошадь, угнанную у запорожца, от лица, которое для него должно бы казаться не очень, надежным (№ 18).

После этого не удивительно, если гайдамаки, на перепутье из запорожских степей в польские владения находили радушный прием не только у простых обывателей, но и у начальствующих лиц в слободах; новокозачьего поселения ⁶). Не удивить нас и то, если, сотники этих слобод снаряжали людей в польские владения на разбой или конокрадство и если живились сами награбленным, вызывая, однако же, справедливый и энергичный протест в жителях подведомственных слобод (№№ 3 и 6) ⁷). Понятным станет и чудовищный факт, обнаруженный допросом одного гайдамака, а именно: ротный квартирмейстер елисаветградского гусарского полка укрывает гайдамака у себя, на хуторе, снабжает лошадьми и оружием и, в вознаграждение за вложенный в предприятие капитал, берет и себе часть добычи (№ 11) ⁸). Объяснится и удивительное, на первый раз, поведение самого Хорвата, который советует осадчику новой слободы, для ее населения, идти с запорожцами за польский рубеж и силой перегнать оттуда жителей, ? или сотнику другой слободы, в отместку за обиду от поляков, идти с «охотниками из запорожских степей», т. е. Видимо — с гайдамаками и «попугать» поляков, только тайно: тот послушал, явился на ярмарку отогнал 300 лошадей и зарезал 30 человек ⁹). Этого мало. Современный мемуарист рассказывает о нападении гусар, по приказу Хорвата, на польский разъезд, показавшийся в виду пограничного шанца и о предательском захвате им начальника этап отряда ¹⁰). Повторяем еще раз: все это не должно удивить нас, а станет понятным, как обмен равнозначущих иорубежных любезностей.

Известно, что сербские колонисты, высеивавшиеся из Австро-Венгрии при Елисавете Петровне, заняли сенерные части земель, которые запорожцы считали своими. Со времени поселения сербов, волны колонизационного движения подвигались все дальше и дальше, в глубь «Дикого Поля» и это не могло не тревожить запорожцев, протесты которых признавались местной администрацией бунтом, а ссылки на старые грамоты не находили себе подтверждения в Петербурге. Борьба Запорожья с чуждой им колонизацией капела на обоих флангах: на востоке, по границе с изюмской провинцией и на западе — с елисаветградской. Сначала борьба эта носила характер оборонительный со стороны запорожцев. 2 апреля 1763 года запорожская рота записала такое решение: «так как известно сделалось, что слободские поселенцы опять перешли за свои границы и близ запорожского Гарду за 50 верст от их рубежа

водворились построили тамо дома и землянки из войскового лесу, хлеб пашут и сено косят то, на основании Высочайших указов, которыми в запорожские дачи чужим людям входить не дозволено и вошедших оттуда выслать приказано, ? впредь никого на запорожские земли не допускать, а Гардовому полковнику дать ордер, чтобы таких противников и самовольных поселенцев выслать из войсковых дач и жилья, ими построенные, особливо что по над Синюхою и Бугом реками близ чужих границ находятся, разбросать; а какие б там жители были, то, не приключая им и на одну копейку убытку и ни какой обиды, отправить их в дачи слободского поселения»⁽¹¹⁾. Особенно усилилась эта борьба в последнее десятилетие самостоятельного существования Запорожья. В это время там рождается мысль: противопоставить слободской колонизации свою, устроить, в качестве колонизационно-боевых Форпостов, вдоль всей пограничной линии, свои слободы для ИИоселения семейных хозяев и ослаблять соседей, привлекая с их земель переселенцев перспективой освобождения от государственных повинностей. Не даром гр. Захар Чернышев высказывался против основания запорожцами слобод для семейных поселенцев, выражая опасение, что этим они «опустошать» как Малороссию, так и губернии слободскую и новороссийскую⁽¹²⁾.

На изюмской линии руководил колонизацией запорожский полковник Гараджа. По его распоряжению, в местность между Изюмом и Тором (нынешним Славянском) переселяются жители Запорожья и привлекаются выходцы из слобожанщины и гетманщины, помещичьи и казенные крестьяне. Запорожцы производят набеги на соседей, с целью мешать хозяйственной деятельности их во время этих набегов угоняют у них рабочий скот, ломают и отнимают предметы, необходимые в земледельческом хозяйстве.⁽¹³⁾

Что касается, в частности, боевой колонизации Запорожья по границе с елисаветградской провинцией, то документальных данных о ней не опубликовано пока. Однако, имеются указания о ней у двух достоверных авторов: у петербургского академика Гильденштедта, посетившего эту провинцию в 1774 году, и у местного мемуариста А. С. Пишчевича, писавшего о Новороссии в 1806 году, по свежей памяти о Запорожье. Гильденштедт упоминает о следующих поселениях, основанных запорожцами: о какой-то слободе на устье Мигейского Ташлыка, о слободе Верблюжке, о деревне Петрове, о деревне Зеленой, о вновь основанных Зимовниках на балке Княжей, о слободе Комиссаровке. По его словам, поселения эти частью основаны запорожцами вновь, близ границ провинции, частью заняты ими в пределах этой последней; те и другие служили для водворения пикинеров, выведенных из шанцев пикинерного полка; в порядке своего маршрута по елисаветградской провинции, Гильденштедт упоминает более десяти казенных и владельческих поселений — таких, жители которых или уведены запорожцами силой, или перешли к ним по доброй воле; насчитывает свыше 700 семейств, ушедших отсюда к запорожцам; говорит, что запорожцы особенно усилили враждебные действия в 1773 – 4 годы; они мешают пахать землю, выпрягают из плугов и уводят волов и угоняют стада.⁽¹⁴⁾ Пишчевич называет пять запорожских сел, основанных, по его словам, за 8 лет до уничтожения Сечи: Верблюжка, Петровка, Куцовка, Зеленая, и Жолтая, и говорить, что заселялись они женатыми запорожцами, а «умножались пикинерами, которых запорожцы, являясь вооруженной силою, уводили, под видом родственников.⁽¹⁵⁾ Точно такого-же рода сведения о набегах запорожцев, их притеснениях, угрозах и увод пикинеров, под видом запорожцев, находятся в сенатском указе 5 августа 1773 года. Однако, в ответе на этот указ, запорожцы отрицали справедливость взводимых на них обвинений и, в свою очередь, жаловались на то, что земли их заняты елисаветградской провинцией, что командиры ее самовольно захватывают их земли, селят на них свои слободы и высылают против запорожцев команды с пушками.⁽¹⁶⁾

В нашем собрании только четыре номера имеют отношение к изложенному выше, иллюстрируя отношения запорожцев к их новым соседям. Ранний из таких документов относится к 1762 г. и передает о деле, имевшем место в 1759 г. Суть этого дела такова: из табуна сл. Аджамки, в этом последнем году, вдруг пропало 68 лошадей; потом они были выслежены, и оказалось что угнаны были запорожцами, которые отказались возратить их; завязалась переписка между комендантом крепости св. Елисаветы и кошевым, после которой запорожцы отдали 43 лошади, а остальных удержали, требуя уплаты за зимовлю и за «неякуюсь на те лошади утрату»; переписка возгорелась снова, и чем кончилась — не известно (№

19). №№ 28 и 29 относятся к 1773 году, когда отношения обострились до высшей степени и когда запорожцы стали действовать с сознательным упорством и настойчивостью.

В этих двух документах речь идет о роте пикинерного полка Желтой. Вспомним, что в числе селений, основанных запорожцами, Пишчевич упоминает слободу Желтую; Гильденштедт не говорит о том, но замечает что большинство жителей роты Жолтой перешло к запорожцам. В первом из наших документов говорится об угрозе запорожцев разорить роту Желтенькую, о переписке, завязавшейся с кошем по этим слухам, при чем командир пикинерного полка не верит в серьезность таких намерений со стороны запорожцев, считая угрозы их пустыми «похвалками», хотя таковые, по его словам, «и прежде сего, в прошлых годах (запорожцы) делали»; тем не менее, из предосторожности, принимаются военные меры. Из второго документа узнаем, что в Желтую приезжал запорожский полковник Григорий Попович с отрядом в 60 запорожцев, требовал у жителей очистить роту в недельный срок и грозил, в противном случае, явиться снова, с большою командою, селение разорить и жителей разогнать. В недельный срок Попович не явился в Желтую, но был в это время с командою по соседству, в Комиссаровке. В заключение своего рапорта, ротмистр Пугачевский доносил Коменданту, что разъезды денные и ночные по запорожской черте чинятся беспрерывно и что во всем при кордоне состоит благополучно. Мы знаем из сочинения Гидьденштедта, что разъезды не помогли; надо того, — если верить Пишчевичу — на месте роты пикинерного полка возникла запорожская слобода. (¹⁷) Четвертый из печатаемых документов (№ 30) показывает, какие напряженные отношения существовали у запорожцев, накануне уничтожения Сечи, к местным представителям власти. И. д. коменданта в Новосеченском ретрашементе жалуется, что запорожцы лишают его команду сенокосов и запрещают рубить лес — простодушно объясняешь это распоряжение их недовольством на него по частному и мелочному поводу и умоляет уволить его от занимаемой им должности, считая ее тяжелой для себя. В документе этом находим одну подробность о волнении в Сечи в 1768 году, а именно, автор этого документа, секунд майор Микулшин говорит, что он спас от смерти запорожскую старшину и других козаков, дав им убежище в ретрашементе.

Переходим к документам по делам о недоразумениях обывателей новокозачьего поселения с новосербцами. До сих пор очень мало известно об условиях, в какие были поставлены слободские козаки при учреждении их полка. Довольно важные для нашей цели сведения о нем находятся в сенатском указе 14 августа 1761 г. о дополнительных правилах для казацкого поселения зарубежом Новой Сербии (¹⁸). Он вызван был ходатайствами депутации, отправленной от новопоселенного полка в Петербург в 1759 году. Самое ходатайство документально не известно, но приведенный выше указ дает сведения о содержании его и знакомит с некоторыми слабыми сторонами и нуждами новокозачьего поселения. Из него мы узнаем: 1) что до его опубликования земли новокозачьего полка не были размежеваны и что для надела ими не было, по видимому, устойчивых правил; по всей вероятности, земля занимаема было свободно; о том, как выполнен был труд размежевания, и был ли выполнен после указа 1761 года, — не известно; 2) что у козачьего полка занята была часть земли с лесом на содержание новосербского гарнизона, чем, по заявление депутатов их, навесен слобожанам чувствительный ущерб; 3) по недостатку леса в дачах новокозачьего поселения, с которым жители его, по не привычке к условиям природы степей, не умели освоиться, им разрешено брать валежник из Черного леса, который находился за чертой их поселения, в границах Новой Сербии; 4) в Новой Сербии принимали и селили «бежавших» из казацкого поселения, принимали на службу малороссиян, в противность указам, позволявшим офицерам новосербским селить на своих землях вызванных и на вербованных в польских областях малороссов только в определенном числе, по штату, в замен суммы, отпускавшейся прежде на денщиков; 5) новосербцы наносили слобожанам какие то обиды, на которые, видимо, депутаты этих последних жаловались сенату; 6) новокозачьий полк подчинен был коменданту крепости св. Елисаветы и таким образом вышел из подвласти начальника Новой Сербии, генерала Хорвата.

Восемь документов из числа предлагаемых нами ниже касаются упоминаемых в этом указе недоразумений и неудовольствий (№№ 7—10, 12—15). Все они относятся к 1760 году, значит, почти одновременны с ходатайством депутатов Устимовича и Работы и с сенатским указом, вызванным заявлениями их. Из наших документов можно видеть, что недоразумения между слобожанами и новосербцами большею частью возникали на поземельно-хозяйственной почве и вызывались с одной стороны неудовлетворительностью положения слободских козаков, ставившею их в зависимость от

новосербцев, ? а отчасти неудобствами, которые испытывали эти последние по недостатку рабочих рук в Новой Сербии и по неумению обходиться собственными средствами. Замечательно, что слобожане всегда занимают оборонительное, а новосербцы — наступательное положение, что первые не покидают почвы законности, а вторые, напротив, часто допускают себе насилие, вероятно потому, что чувствуют за собою властную руку Хорвата.

Обращаясь к частностям, прежде всего заметим, что документы подтверждают намеки указа 1761 года о стесненном положении слободских козаков в земельных и лесных угодьях. Слобожане снимают у новосербцев сенокосы (с третьей копы), пашни и пастбища (№№ 9,12,13 и 15); сотник слоб. Тройницкой писал, что жители ее «довольствия как в оранье на хлеб земли, так сенокосу и для пастьбы скота ни мало не имеют» (№ 9). За древесным материалом они ездят в Черный Лес, согласно советского определения 18 апреля 1760 г. (№№ 7 и 10). При внимательном чтении предлагаемых актов, можно убедиться, что этот недостаток в хозяйственных угодьях имел характер общий, и что такого рода отношения между слобожанами и новосербцами начались гораздо ранее этого года. Так, сотник сл. Тройницкой, в своем рапорте указав, на крайний недостаток в земле пашенной, выгонной и луговой, говорит: «а довольствуются они (жители слободы) ежегодно по крайней своей нужде с начала (при)бытия моего в означенную слободу в новосербских дачах» (№ 9). В одном только документе (№ 8) говорится о столкновении на земле отведенной из дач слободского полка под гарнизон гусарского полка: двое жителей сл. Тишковки (Ольшанки тожь). «дабы за оскудением корму своего скота к падежу не допустить», поехали за сеном, которое накошено было ими на участке, отмежеванном под гарнизон; но были встречены гусарами и малороссийскими козаками и схвачены, вместе с их волами.

Новосербцы злоупотребляли стесненным и зависимым положением соседей своих

— слобожан. Последние жаловались, что новосербцы захватывают, без причины, или за мнимую потраву, их скот, на снятом у них пастбище (№№ 12 и 14), что препятствуют им брать условленную долю сена, скошенного на нанятых у них лугах, при этом бьют их, захватывают и сено, и скот, за который потом требуют выкупа, или, наконец, жгут в степи воз с сеном и со всем добром, какое на нем есть (№ № 13 и 15). Особый повод к столкновениям подавали поездки слобожан в Черный лес. В этих случаях, заметно, новосербцами руководило желание воспользоваться принудительным трудом рабочих рук, по недостатку ли последних, или по нерасположению своему к земледельческому труду. Завидев на дороге слобожан с возами, новосербцы заворачивали их к себе в шанцы и заставляли пленных слобожан работать на себя, возить, например, сено их же волами: потом выпускали взяв выкуп. Такие распоряжения делались ротными командирами (№№ 7 и: 10).

Наконец, новосербцы являлись и на дачи, отведенные слобожанам, неприятными для последних гостями. По словам слобожан, новосербцы захватывали у них возы с сеном, накошенным на дачах слободского полка, и увозили к себе, вместе с людьми, при этом иногда пускали в ход огнестрельное оружие и убивали людей ; являлись в слободы для покупки хлеба и, пользуясь случаем, угоняли обывательский скот, страшая людей оружием, и за скот потом брали выкуп (№№ 8 и 12).

Вот, вероятно, те «обиды» гусар, на которые жаловались депутаты новокозачьего полка в Петербурге и о которых говорится в сенатском указе 14 августа 1761 г. Видно по всему, что новокозачий слободской полк считался пасынком местной администрацией. Он и до сих пор остается в науке, в положении пасынка, скрываясь с тени, отбрасываемой сербскими поселениями, которые на деле имели для колонизации края меньше значения, чем Новослободское поселение.

Елисаветград

В. Ястребов.

10 апреля 1888 года.

Член-корреспондент Общества

I.

Червовое письмо, как можно догадываться, — генерал-майора Глебова к Иоанну, епископу переяславскому и бориспольскому, с просьбою перевести священников из Глинска в Домоткань, согласно желанию жителей последней. Документ без подписи. Наверху дата: «1754 года мая 19 дня».

Ясне в Богу преосвященнейши владыко и архипастырь

Милостивый Государь мой

Новонаселенной при устье реки Домоткани слободы обиватели доношением ко мне поданным просят чтобы в ту их слободу где не малое число их населилось для исправления по христианской должности мирских треб (в коих без священника не малую имеют нужду) бывших в селе Глинске где они обиватели прежде жительство имели желающих в той их слободе быть священников Василия Иванова да Алексея Васильева настоятелями определить того ради Вашего Преосвященства покорнейше прошу по прошению объявленных обивателей по нужде их в отправлении по должности христианской мирских треб оным желающим священникам Василью и Алексею в той их слободе настоятели быть архипастырски благословить и о том их благословенными Вашего Преосвященства архипастырскими грамотами снабдить.

II.

Ордер слободской канцелярии о тихом обхождении с поляками. Вызван слухами о военных приготовлениях уманского полковника Ортынского (¹⁹).

22 Августа 1757 года. Ордер с полковой слободской канцелярии до Днепра благородными сотниками.

На рапорте от полковой слободской канцелярии представленный к Его Высочородию господину бригадиру и крепости святыя Елисаветы коменданту Алексею Ивановичу Глебову о собрании в Умани комиссаром Артинским липканов и козаков более тысячи да в местечке Крутих польского войска поляков и козаков более тысячи ж и о намерении совокупиться в одно место в полученном в полковой канцелярии сего августа 19 дня от Его Высочородия ордере написано: Его де Высочородие от комиссара Артинского письмом уверен что с их стороны на здешнюю сторону противного ничего не предпринимается кроме что желание весть имеет соседственную дружбу что того и от здешней стороны просит содержать дружбу а хотя войско в собрании у них и есть и то для охранения своих людей от гайдамак и велено оным Его Высочородия ордером всем слободским командирам накрепко подтвердить чтобы с поляками обходились поселенцы здешние по соседству тихо и смирно не чиня им задору и ни малейших обид стараясь при том комендиров своевольных людей удерживать того ради чрез сие всиле Его Высочородия ордера предлагается вам с поляками обходитесь по соседству тихо и смирно не чиня им задору и нималейших обид стараясь комендиров своевольных людей удерживать.

III.

Жалоба обывателей слободы Ольшанки (Тишковки) (²⁰) на развитие конокрадства и на участие в последнем сотника Донца. Подано 29-го марта 1759 года.

Крепости св. Елисаветы в полковую слободскую канцелярию от всех обывателей слободы Ольшанки нижайшее доношение.

Видя свое крайнее разорение о котором донося вам полковой канцелярии старшине по выходе нашем со польской области здесь под поселение Ее Императорского Величества в слободу Ольшанку на жительство в которой слободе до ныне живущих от самого нашего перехода оттоль здесь сколько проживает то оттоль не имеем ни в чем пожитка только пропажи и утраты имеем ох воров чрез слабую команду господина сотника Николая Донца по которых слободах во всем полку такого воровства нет яко же в сей Ольшанке. В году 1757 поворованных лошадей до два десяти обывательских при которых и

господина сотника Николая Донца една кобылица в то время была сворована а сего 1759 году месяца марта первых числ явилась которую он господин сотник Николай Донец утаилиши в стайне чрез три дни и велел сторожу Михаилу Шаповалу в стайне воду носить и наповать дабы обыватели о ней не ведали а мы доведася об оной кобылице спросили откель она тути тая сворована с нашими лошадьми кобылица явилась то вор Иско Волошиненко сказывал что я в ляха в польской облости опознал и отобрал то ежели-бы при той кобылице не было-бы никакого плутовства то бы она не утаена-бы была в стайне и обывателем-бы объявить и по той кобылице и обывательских лошадей в раз с нею сворованных дошукиваться можно. 2) когда пришед на жительство 1758 году в слободу, Ольшанку Федор Безвершенко то онного господин сотник Николай Донец и з своим служителем Тарасом послал воровать в Польшу коим дал воз и хомут а, в онного вора Федора Безвершенка лошадь была которые поехали и еще к ним приключилось неизвестно где четыре человека и пошли в Польшу зрабовали обывателей и жида в селе Белазаре при которых ворах лошадей до 18 было и в миргородском шанце их половлено которые и доднесь содержатся под караулом. 3) Собрася в слободе Ольшанке воров 1 Гаврило Черевичной 2 Грицко Кравец 3 Лукиан Запорожец 4 Лаврен Запорожец котории пошедши в Польшу и неизвестно какое село зрабовали только же добычи много в слободу Ольшанку с собою навезли и лошадей пятеро пригнали которие лошади господин сотник Николай Донец репортом в полковую слободскую канцелярию представлял что оние лошади прибудные ведая о том добре что оние ворование а в то время вышеписанные вору многократно пьянствовали и много обывателей почти смертно били при котором бою и похвалки делали на обывателей, что еще мы и не одному дамось добре знать а от господина сотника Николая Донца за то на вышеписанных воров никакой винности не имелось только еще и защищение за оными ворами было, которие обыватели смотря свою обиду Иван Кузьменко и Яким Кудиненко, подали доношения в полковой канцелярии на вышеписанных воров то и еще с полковой канцелярии доношики не повернулись а из слободы Ольшанки вышеписанных воров 4 и к ним приключшихся 1 Андрей Плетеный 2 Иско Волошиненко 3 Михаил сотников брат на сотниковой лошади и всех их 7 человек пошли в Польшу воровать коих и доныне в слободе нет о чем полковой слободской канцелярии покорно просим таковое воровство, искоренить да и нас к другой сотне определить альбо нам иного комендира придать а ежели господин сотник Николай Донец нам комендиром находится будет, то в слободе Ольшанке на жительстве содержаться никаковыми мерами не можно.

Подписали обыватели: Михаил Тетянка, Иван Гриненко, Яким Кудиненко, Иван Кузьменко, Иван Письменный, Иван Тетянченко, Василь Шевченко, Яцко Молодистый, Денис Гончаренко, Олекса Безвершенко, Трахим Омельченко. За всех их, по безграмотству, подписался Ив. Письменный.

IV

Осадчик слободы Орла (Орловской шанец, позднее ? Ольвиополь) просит выдать провианта из казенного магазина для выходящих из Польши переселенцев.

Марта 30 дня 1759 года. В полковую слободскую канцелярию покорнейшее доношение.

Желающие российские подданные зашедшие в польские места обратно выходить в Россию здешнего слободского полку в населяемую мною на устье реки Синюхи слободу Орел объявляют что ежели за переходом здесь на первой их обзавод из могазейнов провиант выдан будет выходить будут а по обселении их в три года братно отдан будет: того ради полковой слободской канцелярии донося покорно прошу не повелено ль будет по способности тамо из архангельского могазейна на выходящих так и на вышедшие уже 34 семьи выдать под росписку мою 100 кулей по взятии которых обяуюсь вновь 100 семей поселить о предложен(ном) к тамошнему офицеру куда надлежит представить а ежели третьего года представлено не будет, взыскать на мне самом подпискою обовязаться имею.

Подпрапорный и слободы Орла осадчик Василь Черниченко (²¹).

V

Обыватель польского местечка Тарговицы Донец донес новосербским командирам о враждебных намерениях поляков, потом бежал оттуда, спасаясь от уманского полковника Орынского, и заселил сл. Тишкавку.

Июля 1 дня 1759 г. Полковнику Николаю Степановичу Адабашу покорное доношение.

Пред сим находился я низайший жительством польской области уманской губернии в местечке Тарговице казацким атаманом где услыша к России недоброжелательство прошлого 754 году для объявления сюда в крепость св. Елисаветы приезжал и господам артиллерии генерал-майору и бригадиру и коменданту Глебовым донес коими и в Правительствующий Сенат в тож время донесено и по возврате отсюда в показанное местечко Тарговицу уведомился я что уманский полковник Ортынский всякие способы избирая как бы подлинно проведать о доносе моем хотел меня умертвить в 755 году оставя свое все имущество в показанном местечке Тарговице едва сам спасся перешел сюда на жительство за которую мою услугу пожалован я в здешний слободской полк сотником и своим старательством и ревностью на своем коште ища Ее Императорского Величества интересной прибыли польскими людьми населил на степу слободском коя ныне называется Тишковка.

Сотник Тишковки Николай Донец.

VI

Семен Сыч заселил сл. Плетеный Ташлык переводом жителей из Цибулева и переселением из польских областей; назначен сотником в сл. Вись; обыватели последней гайдамачили в Польше и один из них на дознании показал, будто ходил в Польшу с ведома сотника.

Декабря 29 дня 1759 года. Коменданту крепости св. Елисаветы Матвею Артамоновичу Муравьеву доношение сотника слободского козачьего полку Семена Сыча.

Прошлого 1753 года декабря 9 бывшим здесь при поселении Новой Сербии от фортификации генерал майором кой ныне генерал лейтенант Глебовым дан мне нижеименованному здешнего слободского козачьего полку на слободу Плетеный Ташлык открытый Ее Императорского Величества указ с тем чтобы мне ту слободу повеленным народом населить и быть мне в той слободе осадчиком куда я еще только с 12 человек из прежнего моего жилья из Цибулева на пугу землю в урочище Плетеный Ташлык пришел куда с показанного 753 года будучи осадчиком по 757 год из за польского рубежа вызвал и в той слободе поселил до 130 семей в надежду ту что обнадежен был я в туж слободу сотником произведен быть точию за определением во оную слободу Плетеный Ташлык Василия Молчана сотником уже меня в слободу Вись в том-же 757 году в месяце марте сотником определено, в прошлом же 758 году оной команды моей слободы Виси обыватели собравшись до несколько человек без бытности моей ушли в Польшу на грабительство кои по прибытии моем и с командою за объявлением мне переловлены и по команде под караулом отосланы из коих товарищ их оной-же слободы Виси житель Матвей Слюсарь при поимке той ушел в гайдамаки в Польшу и вскоре после того в Польше польским региментарем пойман где содержась полякам объявил по единственной той злобе что как он так и реченные его товарищи, пойманы и под караул отданы а паче для своего там облегчения объявил ложно что якобы он и с помянутыми его товарищи заведомо моего в Польшу на грабительство ходили.

(Сотник был арестован. Товарищи Слюсаря на допросе показали, что грабительствовали без ведома Сыча. Последний просить возвратить ему звание сотника в Виси).

VII

Жалоба аджамского старосты на гусар субботицкого шанца, захватывающих слободских козаков принуждающих работать на себя и вымогающих деньги.

Января 2 дня 1760 года, В полковую слободскую канцелярию аджамского сотника Кирила Вовка репорт.

Сего января 2 дня жители слободы Аджамки Грицко Горб Иван Оробченко Микита Гончар Яско Белокоп в сотенную аджамскую канцелярию жалобу представили что прошлого 759 году декабря в последних числах ехали они первый с ним Грицко Горб порожным пароволовым возом в Черный Лес для набрания валежного дерева дров чрез новосербский суботицкий шанец с тем намерением чтобы в оном в брата

своего тамо живучего Миколы Ткача переночевать и скоро въехав в оный шанец взяли его гусары представили к прапорщику якой прапорщик не допусти в его к брату приарестовав с волами без всякой и малейшей его Горба винности, где под арестом сено оному прапорщику два дни своими водами возил и потом в дом не отпустил пока 3 рубли сверх того не уплатил да в те ж поры Иван Оробченко и Михаил Гончар тож порожими возами ехали великим шляхом мимо оной же суботицкий шанец в. Черный Лес в пасеку состоящую, на поляной прозываемой велидольскую к отцу его Оробченка родному з(а) харчу и на пути не доезжая того шанца приехав верхи два человека гусар завернули, их в тот шанец к оному прапорщику представили он прапорщик без винности приарестовав купно з вышеписанным Грицком Горбом сено их волами чрез 2 дни возил и приказал по 3 рубли денег каждому уплатить и в те поры те волы возвратил и их в дома отпустил житель же здешний Иско Белокоп в принадлежащих к здешней слободе буйраках нарубив пеньков возъехал в дом и на пути перешед з Бешки 2 человека гусар един знаемый Максим Швец а другой незнаем безвинностно отняли в его Белокопа сокиру.

VIII

Жалоба тишковского (ольшанского) сотника на нападения новосербских гусар и на захват ими сена у слободских козаков.

Января 15 дня 1760 года. В полковую слободскую канцелярию от сотника Николая Донца рапорт.

Сего января 13 дня в небытность мою в доме команды моей слободы Ольшанки жители Кондратий Захарченко и Иван Задорожный как поехали за накошенным ними в отмежеванной под гарнизон гусарского хорватова полку земли сеном дабы за оскудением корму своего скота к падеже не допустить то новосербской команды гусары и с ними малороссийские козаки напав на них с имеющимися при них волами забрали а где оных девали неизвестно да сего течения 14 дня ольшанский житель Лукьян Курбачный когда поехал в дачу здешнего козацкого полку для забрания накошенного ним сена то и тамо напав на его гусарского полку команды гусары с козаками и забрав с имеющимися при нем волами отправя в шанец Архангельск который на пути оставя при них свои волы, а захватя их козацких двое лошадей ушел от них в слободу Ольшанку кои лошади и ныне у него Курбачного под смотрением находятся да и сверх того многие обыватели когда за своим накошенным в даче здешнего слободского полку сеном поедут то оногo гусарского хорватова полку команды нападение чинят и оружейную на них пальбу производят и при том до полусмерти убивают чрез что себе тишковские обыватели узнают за крайнюю нужду и скоту их уже чрез оскудение корму падеж приключается (²²).

1 Считаю приятным долгом принести здесь свою искреннейшую благодарность И. Г. Савенке, помощнику библиотекаря университетской библиотеки, поспособствовавшему мне в этом.

2 №№ 6, 7 и 8 напечатаны мною в журнале «Киевская Старина» и 1886 г., в августовской и октябрьской книжках, — первый — в полном виде, последние два — в сокращении.

3 Антонович, Исслед. о крестьянах в юго-западн. России. Киев, 1870, стр. 31—36, 52—54. 5)

4 Дела, касающиеся запорожцев, изданные Андриевским в Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. XIV, стр. 332-359.

5 С 1755 по 1764 г. насчитывают 11 указов о беглых (Команин, Из ист. международн. отношении Польши и России. Киевская старина 1882 г., т. 3, стр. 52, примеч. 3-е). К этому числу следует добавить еще указ 10 мая 1760 г. (П. С. 3. № 11058), позволявший новосербским офицерам вызывать и вербовать людей для поселения на своих дачах, в замен жалованья на деньщиков.

6 Гайдамацкий бандурист. Киевская старина 1886, октябрь.

7 По актам о гайдамаках, изданных, киевской комиссией для разбора древних актов, известны и другие подобные случаи. См. Антонович, Исслед. о гайдамачестве. Киев, 1876, стр. 9 и 27; там указаны и номера актов.

8 Дело идет о некоем Иване Требинском. Он продолжал заниматься этим и в следующем году. См. показания гайдамак Тимофея Кучера и Алексея Баранниченка в собр. документов, опубликованных г. Андриевским в XIV т. «Зап. Од. Общ. Ист. и Др.», стр. 648—654. Невидимому, это был привычный и дерзкий разбойник; еще на шесть лет до указываемого проишествия он судился в подобных-же похождениях. См. А. Андриевский. Истор. материалы. Из архива киевск. губернс. правления. Вып. 10. Киев, 1886, стр. 76—95. В Соответствие новосербскому вахмистру, и польским шляхтичам случалось заниматься такими-же делами. См. Антонович, Исслед. о гайдамачестве. Киев, 1876 Стр. 7 и 21.

9 Соловьев, История России, XXIV, 177.

10 С. С. Пишчевич, Известие о походе. Москва. 1883., стр. 426.

11 Скальковский, Ист. Новой Сечи. Изд. 3-е, часть 2-я. Одесса. 1886, стр. 257.

12 Соловьев, Ист. России, XXVII, 32.

13 А. Шиманов, Предсмертная поземельная борьба Зааорозья. Киевская Старина, 1883, декабрь.

14 J.A. Guldenstadt, Reisen durch Russland. SPB. 1791, II J., 164-186.

15 Примечания А. Пишчевича на новороссийский край. Киевская Старина. 1884г., январь, 128.

16 Шиманов, Предсмертная борьба и пр. Киев. Стар., 1883 г., VII, 619—627.

17 Еще в 1755 году возникали неудовольствия извелаась переписка по поводу основания здесь хуторов козаками — слобожанами, и комендант Глебов требовал у кошевого выселить запорожцев с рек Самоткани, Домоткани, Верблюжки и Бешки. От 1762 г. сохранилась переписка кота с комендантом крепости св. Елисаветы о порубежных столкновениях запорожцев с Новосербским и Новоказачьим начальством в этом-же углу степи; между прочим, комендант жаловался сенату — на побегу обывателей новослободского козачьего поселения к запорожцам, на вражду последних к «приумножению» оногo, на набеги и угрозы запорожцев побуждавших слободских козаков оставлять свои дома: кошевой, напротив, жаловался, что новосербцы и слобожане занимают запорожские земли, хватают без причины самих запорожцев, мешают заниматься рыбной ловлей, вырубают леса, и просил отвести от границы новосербские команды. См. документы, опубликованные г. Андриевским в XIV т. Зап. Од. Общ. Ист. и Др, стр. 613—614, 628 – 648.

18 П. С. 3. № 11312.

19 Уманский полковник и комендант Станислав Ортынский приобрел большую известность пограничными заездами на запорожцев. По заявлению кошевого Якима Игнатовоча, еще в 1749 году он «с злодейскою партией своею беспрестанно наезжал на запорожские земли и найденных там козаков, скотарей и табунщиков убивал, колол, ранил, захватывал в план, а стада их и особенно табуны лошадей уводил с собою в Польшу». Скальковский, Наезды гайдамак, стр. 51. Имя Ортынского мы встретим еще в № 5.

20

21 По этой просьбе полковая канцелярия входила с ходатайством к коменданту Юсту. Заключение дела нет в архиве.

22 По этому рапорту сделано было представление в гарнизонную канцелярию.